

- все пространства контролируемы, потеря контроля над пространством одного геополитического субъекта означает установление контроля над ним со стороны другого субъекта;
- колонизация государствами больших пространств начинается в широтном направлении (с Востока на Запад), а по мере их освоения продолжается в меридиальном (с Севера на Юг);
- широтная экспансия (Восток→Запад; Запад→Восток) носит дестабилизирующий характер, меридиальная экспансия (Север→Юг) имеет стабилизирующие последствия;
- пересечение широтных и долготных векторов военно-экономической экспансии носит деконструктивный характер.

Известно, что геополитика и как наука, и как системное понятие возникла на базе цивилизационного, военно-стратегического подходов, а также теорий географического детерминизма. Роль и значение этих научных подходов и теорий в формировании единого понятия геополитики специалисты рассматривают по-разному.

1. 2. Фундаментальные основы геополитики. Этапы эволюции геополитических взглядов

Учитывая особую актуальность проблемы формирования современной геополитики, коротко отразим её фундаментальные основы. Например, в последнее время достаточно широкое распространение во многих общественных науках, особенно в истории и политологии, получил так называемый цивилизационный подход к формированию геополитики.

1. 2. 1. Цивилизованный подход к формированию геополитики

В основу цивилизационного подхода положено такое понятие, как «цивилизация». Существует несколько признанных определений понятия «цивилизация». По одному из определений, цивилизация – это сообщество людей, имеющих общие фундаментальные основы ментальности, основополагающие духовные ценности и идеалы, устойчивые особые черты в социально-

политической организации, экономике, культуре. При этом ментальность или менталитет (от фр. *mentaliti* – мышление, психология) рассматривается как общий духовный настрой населения той или иной страны или региона, устойчивые структуры сознания, совокупность социально-психологических установок и верований личности и общества. В традиционном значении «ментальность» синонимична «менталитету» (нем. *Mentalität*) и подразумевает (как правило, в социологических контекстах) тот или иной «склад ума», то есть устойчивые интеллектуальные и эмоциональные особенности, присущие тому или иному индивиду (обычно как представителю некоторой социальной группы). В общем, ментальность определяется как способ видения мира, в котором мысль не отделена от эмоций. Более того, существуют индивидуумы, и даже социальные группы людей, у которых эмоции главенствуют над мыслями.

С точки зрения цивилизационного подхода, двигателем мировой истории является, в основном, столкновение и взаимодействие цивилизаций.

В настоящее время мир стоит на грани глобального лобового и тотального столкновения между западной и исламской цивилизациями. Пока такого прямого столкновения нет. Прежде всего, потому, что исламский мир до настоящего времени не представляет собой монолита, единого организма или единой системы. Он состоит из отдельных, порой разрозненных национальных государств, у каждого из которых бытуют специфические интересы и свой курс в отношении внешнего мира и даже внутреннего устройства. Некоторые из этих государств, в том числе такие значимые, как Индонезия, Малайзия, Саудовская Аравия, Турция, ОАЭ, Иордания, охотно и тесно взаимодействуют с Западом, Россией, Китаем. Другие государства, например, Иран, Палестина, Сирия, Йемен, Египет, контролируются кругами, менее расположенными к Западу, но и эти круги понимают важность отношений с западным миром по причинам военно-политического и социально-экономического порядка. Конечно, в каждой стране исламского ареала есть силы, кое-где весьма многочисленные, агрессивные и непримиримые, нацеленные на конфронтацию и даже на завоевание чужих земель под знамёнами халифата, как

было в древности, например, при взятии Хайбара (628 г.). Хайбар — иудейское поселение, состоявшее из восьми укреплений и находившееся на расстоянии около 130 км к северу от Медины. Иудеи Хайбара не заключили мирный договор с Пророком и поддерживали отношения с племенем гатафан и бедуинами, враждовавшими с мусульманами.

Как только исламский мир воссоединится на основе религиозных или иных догм, мировое военное противостояние неизбежно. В таком противостоянии победа исламского мира имеет весьма высокую вероятность. В последнее время создается впечатление, что именно такую цель и преследуют американские и западноевропейские политики, в первую очередь в арабском мире. Западным политикам хотелось бы напомнить мудрые поговорки: «Не буди лихо, пока оно тихо», «Не раздувай тлеющий костёр, если не хочешь большого пожара».

Попытку установить время появления термина «цивилизация» одним из первых предпринял известный французский историк Люсьен Февр (1878–1956). Специалисты высоко оценивают научный труд Февра Л. «Бои за историю» (Февр Л. Бои за историю. М., 1991).

В своей работе «Цивилизация: эволюция слова и группы идей» Л. Февр пришёл к выводу, что впервые термин «цивилизация» в напечатанном виде появляется в работе «Древность, разоблаченная в своих обычаях» (1766) французского ученого и философа, инженера-строителя Николя Антуана Буланже (1722–1759). В частности, Н. А. Буланже писал: «Когда дикий народ становится цивилизованным, ни в коем случае не следует считать акт цивилизации законченным после того, как народу даны четкие и непререкаемые законы: нужно, чтобы он относился к данному ему законодательству как к продолжающейся цивилизации».

Инженер по профессии, Н. А. Буланже был в то же время и признанным философом в том широком смысле, какой придавался этому слову в XVIII веке.

Знамя Пророка, при взятии Хайбара

Люсьен Февр (1878–1956)

«Когда перелистываешь его сочинения, то кажется, будто он прожил больше, чем сто лет», — говорит французский писатель, философ-просветитель и драматург, основатель «Энциклопедии, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел», иностранный почётный член Петербургской академии наук Д. Дидро (1713–1784) (в статье, посвященной памяти Н. А. Буланже и напечатанной в приложении к первому тому «Разоблаченной древности» (*L'Antiquite devoilee par ses usages, ou Examine critique des principales*

opinions, ceremonies et institutions religieuses et politiques des differents peuples de la terre, par feu M. Boulanger, a Amsterdam chez M. — M. Rey, MDCC. LXXII, en 3 vol.).

Свою главную задачу Л. Февр усматривал в обосновании новых принципов исторического познания. Пафос его творчества — возвращение историческому знанию утраченного им гуманистического содержания, насыщение истории проблематикой, связанной с жизнью современного общества и диктуемой коренными, глубинными его запросами.

Одним из первых понятие «цивилизация» в научный оборот ввёл также и выдающийся философ Адам Фергюсон (1723–1816), который подразумевал под этим термином стадию в развитии человеческого общества, характеризующуюся существованием общественных классов, а также городов, письменности и других подобных явлений. Предложенная шотландским учёным стадийная периодизация мировой истории (дикость — варварство — цивилизация) пользовалась поддержкой в научных кругах в конце XVIII — начале XIX века. С ростом популярности в конце XIX — начале XX века так называемого плюрально—циклического подхода к истории, под общим понятием «цивилизации» стали также подразумеваться «локальные цивилизации».

У истоков плюрально-циклического понимания истории стоят французский дипломат Ж. А. де Гобино (1816–1882) и немецкий

политик, историк Г. Рюккерт (1823–1875). Основные положения плюрально-циклического понимания истории были достаточно четко сформулированы выдающимся русским геополитиком, публицистом, социологом и естествоиспытателем, одним из многих русских умов, предвосхитивших оригинальные идеи, возникшие позднее на Западе, Н. Я. Данилевским (1822–1885). В дальнейшем научные положения плюрально-циклического понимания истории были развиты немецким философом-идеалистом О. Шпенглером (1880–1936), британским историком, философом истории, культурологом и социологом А. Дж. Тойнби (1889–1975) и, наконец, выдающимся русским ученым Л. Н. Гумилевым (1912–1992).

Отмеченные мыслители именовали выделенные ими исторические образования по-разному: цивилизации (Ж. А. де Гобино, А. Дж. Тойнби), культурно-исторические индивиды (Г. Рюккерт), культурно-исторические типы (Н. Я. Данилевский), культуры или великие культуры (О. Шпенглер), этносы и суперэтносы (Л. Н. Гумилев).

Учитывая специфику взглядов, отразим научный подход Ж.-А. де Гобино.

Ж.-А. де Гобино (1816–1882), французский дипломат и литератор, который одним из первых систематически изложил идеи о роли расового фактора в истории. Его взгляды («Опыт о неравенстве человеческих рас», 1853–1855) оказали большое влияние на развитие самого понятия «раса» в XIX веке и легли в основу почти всех последующих теоретических построений антропосоциологии. Ж.-А. де Гобино важнейшим фактором исторического процесса считал расу. Он различал три «чистые» расы (белую, желтую и черную) и многочисленные «смешанные» типы. По его мнению, каждая раса сама по себе неизменна и обладает специфическими культурными способностями. Создаваемые разными расами цивилизации по своей природе некоммуникабельны, т. к. прирожденные расовые дарования у разных рас принципиально различны. Судьба каждой исторической цивилизации определяется ее расовым составом. С точки зрения Ж.-А. де Гобино, при чистоте расы образ мысли всех ее представителей остается оди-

наковым в силу кровной общности, и национальные учреждения соответствуют чаяниям и устремлениям всех.

А. Фергюсон — один из родоначальников позитивистских и социологических попыток эмпирического и в то же время конструктивного понимания того развития, которое проходят формы человеческого общества: от примитивной ступени к более высокой культуре под действием общих законов. А. Фергюсон подчеркивал значение инстинкта в возникновении общества. Он также продемонстрировал особое понимание изменения форм общества в результате растущей социальной дифференциации.

Наряду с позитивистскими тенденциями А. Фергюсон высказывал значимые идеи, которые вели к историзму. Он, в частности, энергично выступил против обычного прагматизма, склонного объяснять возникновение и изменение государственных образований осознанными мотивами людей. Происхождение общественных институтов, говорил он, лежит в темном и далеком прошлом. Они возникают из естественных влечений, а не из умозрительных построений людей. Как во тьме, люди нащупывали институты, которые были не предусмотрены, а возникали как последствия их деятельности. При этом А. Фергюсон напоминал слова выдающегося английского военачальника и государственного деятеля О. Кромвеля (1599–1658) о том, «что человек никогда не поднимается выше, чем тогда, когда не знает, куда идет» (Вольский Ст. Кромвель. — М., 1934. — 304 с.). Таким образом, учение о возникновении государства основывалось, с точки зрения А. Фергюсона, не на планах отдельных личностей, а на ситуации, в которой находился народ и его гении.

В работе Пономарёва М. В., Смирнова С. Ю. «Новая и новейшая история стран Европы и Америки» цивилизация (от лат. *civilis* — гражданский, государственный) определяется с различных точек зрения:

- **Общефилософское значение:** цивилизация — это социальная форма движения материи, обеспечивающая её стабильность и способность к саморазвитию путём саморегуляции обмена с окружающей средой (человеческая цивилизация в масштабе космического устройства);

- Историко-философское значение: цивилизация — это единство исторического процесса и совокупность материально-технических и духовных достижений человечества в ходе этого процесса (человеческая цивилизация в истории Земли);
- Цивилизация — стадия всемирного исторического процесса, связанная с достижением определённого уровня социальности (стадия саморегуляции и самопроизводства при относительной независимости от природы дифференцированности общественного сознания);
- Цивилизация — это локализованное во времени и пространстве общество. Локальные цивилизации являются целостными системами, представляющими собой комплекс экономической, политической, социальной и духовной подсистем и развивающиеся по законам витальных циклов (Пономарев М. В., Смирнов С. Ю. «Новая и новейшая история стран Европы и Америки: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 3 ч. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. — Т. 1. — 288 с.).

Основоположником цивилизационного подхода к изучению исторического процесса развития цивилизаций является русский ученый-биолог, историк, социолог, публицист Н. Я. Данилевский (1822–1885). В своей книге «Россия и Европа» (1868) он высказал мысль о том, что главными действующими субъектами истории являются не государства или отдельные нации, а огромные культурно-религиозные общности. Эти общности автор назвал «культурно-историческими типами» (Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М.: ИЦ «Древнее и современное», 2002. — 550 с.). Впоследствии эти общности специалисты стали называть «цивилизациями».

Н. Я. Данилевский первым среди русских исследователей сформулировал и научно обосновал тезис объективной отчужденности Европы от России. Причина этой отчужденности, по его мнению, состоит в принципиальном цивилизационном различии двух мировых сил: «Европа не признает нас своими. Европейцы видят в России и славянах не только чуждое, но и «враждебное начало». В настоящее время «враждебное начало» в отношениях к нам со

стороны стран Европы и США резко усиливается. Все рассуждения отдельных политиков о якобы наступившей «перезагрузке» отношений утопичны и безосновательны. Россия никогда не будет принята Западом. Поэтому не случайно Н. Я. Данилевский в свое время выдвинул основополагающую идею о необходимости приведения внешней политики России в соответствие с объективными задачами развития и укрепления «славянского культурно-исторического типа». Гораздо позже этот принцип – зона влияния одной цивилизации – у специалистов получил название «большого пространства».

В частности, в книге «Россия и Европа» (Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М.: ИЦ «Древнее и современное», 2002. — 550 с.), Н. Я. Данилевский отмечает: «В продолжение этой книги мы постоянно проводим мысль, что Европа не только нечто нам чуждое, но даже враждебное, что её интересы не только не могут быть нашими интересами, но в большинстве случаев прямо им противоположны... Если невозможно и вредно устранить себя от европейских дел, то весьма возможно, полезно и даже необходимо смотреть на эти дела всегда и постоянно с нашей особой русской точки зрения, применяя к ним как единственный критерий оценки: какое отношение может иметь то или другое событие, направление умов, та или другая деятельность влиятельных личностей к нашим особен-

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885)

ным русско-славянским целям; какое они могут оказать препятствие или содействие им? К безразличным в этом отношении лицам и событиям должны мы оставаться совершенно равнодушными, как будто бы они жили и происходили на луне; тем, которые могут приблизить нас к нашей цели, должны всемерно содействовать и всемерно противиться тем, которые могут служить ей препятствием, не обращая при этом ни малейшего внимания на их безотносительное значение — на то, каковы будут их последствия для самой Европы, для человечества, для сво-

боды, для цивилизации. Без ненависти и без любви (ибо в этом чуждом мире ничто не может и не должно возбуждать ни наших симпатий, ни наших антипатий), равнодушные к красному и к белому, к демагогии и к деспотизму, к легитимизму и к революции, к немцам и французам, к англичанам и итальянцам, к Наполеону, Бисмарку, Гладстону, Гарибальди — мы должны быть верным другом и союзником тому, кто хочет и может содействовать нашей единой и неизменной цели. Если ценою нашего союза и дружбы мы делаем шаг вперед к освобождению и объединению славянства, приближаемся к Цареграду — не совершенно ли нам все равно, купятся ли этою ценою Египет Францией или Англией, рейнская граница — французами или вогезская — немцами, Бельгия — Наполеоном или Голландия — Бисмарком... Европа не случайно, а существенно нам враждебна; следовательно, только тогда, когда она враждует сама с собою, может она быть для нас безопасной... Именно равновесие политических сил Европы вредно и даже губительно для России, а нарушение его с чьей бы то ни было стороны выгодно и благотельно... Нам необходимо, следовательно, отрешиться от мысли о какой бы то ни было солидарности с европейскими интересами». Авторам остается только отметить, что именно такой оценки в отношении к Европе не достает современному руководству Российского государства.

В конце XIX – начале XX в. концепция Н. Я. Данилевского получила развитие в работах русского философа К. Н. Леонтьева (1831–1891), немецкого философа О. Шпенглера (1880–1936), русского ученого-евразийца П. Н. Савицкого (1895–1968), его ученика Л. Н. Гумилева (1912–1992).

Главную суть мысли К. Леонтьева, его своеобразную мораль отразил наш выдающийся соотечественник, русский религиозный и политический философ, представитель экзистенциализма Н. А. Бердяев (1874–1948): «Мораль ценностей, а не мораль человеческого блага. Сверхличная ценность выше личного блага. Достижение высших целей, целей сверхличных и сверхчеловеческих, оправдывает жертвы и страдания истории. Называть это аморализмом есть явное недоразумение. И Ницше не был аморалистом, когда проповедовал мораль любви к дальнему в противоположность морали

К. Н. Леонтьев
(1831–1891)

О. Шпенглер (1880–1936)

П. Н. Савицкий
(1895–1968)

любви к ближнему. Это — иная мораль» (Бердяев Н. А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли // Бердяев Н. А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007).

Л. Н. Гумилёв предложил комплекс оригинальных методов изучения этногенеза, заключающихся в параллельном изучении исторических сведений о климате, геологии и географии вмещающего ландшафта и археологических и культурных источников. Основу его исследования составила оригинальная пассионарная теория этногенеза, с помощью которой он пытался объяснить закономерности исторического процесса.

Теория Л. Н. Гумилева о глубочайшей связи характера, обычаев и культуры народов с ландшафтами — роднит его с идеями евразийцев. В своих трудах, исследуя историю основных этносов Евразии — монголов, тюрок, гуннов, Л. Н. Гумилев представляется евразийцем по полному праву. Его многие труды, перекликаясь с трудами П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского, а также выдающегося русского лингвиста, философа и публициста евразийского направления Н. С. Трубецкого (1890–1938), показывают то огромное влияние, которое эти народы наравне с византийцами оказали на психологию и культуру русского и других славянских народов.

В 1920-х — 1930-х годах Н. С. Трубецкой являлся активным участником евразийского движения, одним из его теоретиков и политических лидеров.

Наряду с публицистами, входившими в круг евразийцев, П. П. Сувчинским (1892–1985) и П. Н. Савицким (1895–1968), Н. С. Трубецкой входил в руководящие органы евразийства (Совет Трех, Совет Пяти, Совет Семи). До 1929 года Н. С. Трубецкой участвовал во всех программных евразийских сборниках («Исход к Востоку» (1921), «На путях» (1922), «Россия и латинство» (1923), «Евразийский временник. Книга 1» (1923), «Евразийский временник. Книга 2» (1925), «Евразийский временник. Книга 3» (1927)), а также в периодических изданиях евразийцев (журнал «Евразийские хроники», газета «Евразия»). Н. С. Трубецкой соавтор коллективных евразийских манифестов («Евразийство (опыт систематического изложения)» (1926), «Евразийство (формулировка 1927 года)»). Он выпустил ряд книг в Евразийском книгоиздательстве («Наследие Чингисхана» (1925), «К проблеме русского самосознания» (1927)).

Как идеолог евразийства Н. С. Трубецкой разрабатывал концепции многополярного мира, славяно-туранских культурных взаимодействий, монгольского влияния на русскую политическую историю и культуру, идеократии, учения о правящем отборе в государстве.

С самого зарождения евразийского движения П. Н. Савицкий являлся одним из его главных теоретиков и политических лидеров. Он создал базовые для евразийства теории месторазвития, хозяйстводержавия, циклов экономической истории, циклов ев-

Л. Н. Гумилев
(1912–1992)

Н. С. Трубецкой
(1890–1938)

разийской истории. П. Н. Савицкий — создатель новой науки — кочевниковедения, создатель евразийской версии русской геополитики. П. Н. Савицкий внес вклад в географию, экономику, политологию, литературоведение, искусствоведение, историю и т. д. Он активный участник всех евразийских изданий, руководящих органов евразийского движения (Совет Трех, Совет Пяти, Совет Семи), активный пропагандист идей евразийства в русской эмигрантской и в зарубежной печати, борец с левым уклоном в евразийстве («Кламарский уклон»).

Среди трудов П. Н. Савицкого есть работы о старинной архитектуре Украины, развитии сельского хозяйства в России и по многим другим вопросам. Однако центральное место в его творческом наследии занимает изучение культурной и геополитической специфики России в её прошлом и настоящем.

Особый интерес вызывало у П. Н. Савицкого взаимодействие русского этноса с монгольским, от которого русские, по его мнению, унаследовали главное — «чувство континента».

В публицистике П. П. Сувчинский обращался преимущественно к проблемам русской истории и культуры. В соответствии с точкой зрения П. П. Сувчинского, русская культура «концентрически» выражает религиозно-нравственные основы мирозерцания русского народа. В одном из своих писем П. П. Сувчинский писал: «Россия была великодержавной, никогда не будучи государственной. Государственный навык всякого народа определяется равнодействующей государственной сознательности всех индивидуумов, его составляющих. Великодержавность есть предопределенная потенция властности, размаха и разлива всей народной сущности. Это бессознательное ощущение мощи, это удельный вес всей народной массы, вытесняющей, раздвигающей собою окружающую среду. Это — невольное самоутверждение, *droit sacre* собственного бытия. Иногда великодержавность высокомерно разрастается, иногда слабеет, разлагается, превращая крепкую, казалось, государственную плоть в рыхлое, бессильное, рассыпающееся человеческое вещество. Бывает, что дар великодержавности совпадает с выработанными способностями к государственной технике — иногда же они взаимно исключают друг друга».

Английский историк, философ Арнольд Дж. Тойнби (1889–1975) в своей двенадцатитомной работе «Постижение истории» выделил 21 существовавшие в истории цивилизации и дал им классификацию: египетская, андская, древнекитайская, минойская, шумерская, майянская, сирийская, индская, хеттская, эллинская, западная, дальневосточная (в Корею и Японию), православная христианская (основная, в Византии и на Балканах), православная христианская, дальневосточная (основная), иранская, арабская, индуистская, мексиканская, юкатанская, вавилонская.

Арнольд Дж. Тойнби
(1889–1975)

Дополнительно в особый тип цивилизации он выделил «православно-русскую». А. Тойнби предложил довольно оригинальную теорию истоков и развития цивилизаций, известную как теория «Вызова-и-Ответа» (1912–1992).

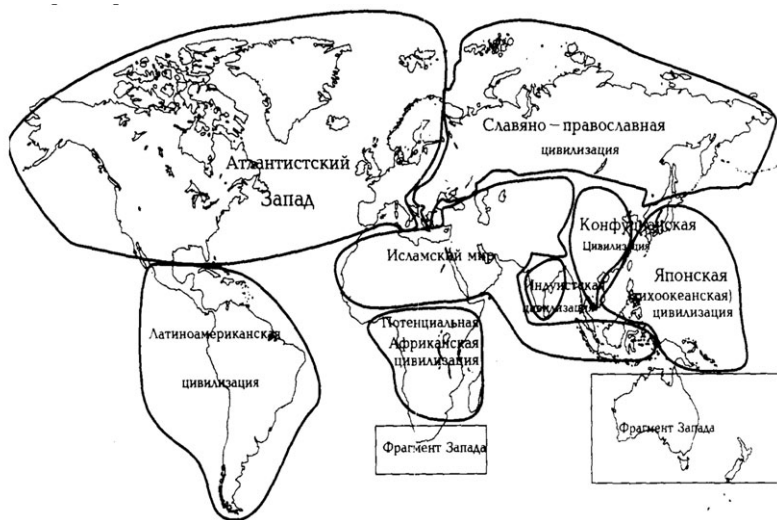
Теория цивилизаций занимает умы и современных ученых-геополитиков. Например, в 1993 году была опубликована неоднозначно принятая в мире книга профессора Гарвардского университета, автора концепции этнокультурного разделения цивилизаций С. Ф. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?». Автор книги утверждает, что в XXI в. источником конфликтов будут не экономика, политика или идеология, а цивилизационные различия. Авторы монографии в целом разделяют такую точку зрения.

В своих трудах профессор С. Ф. Хантингтон подчеркивает, что говорить об «успокоении» мира после холодной войны невозможно. Более того, события последних 10 лет, наоборот, говорят об усилении напряженности в отношениях между многими странами. При этом число конфликтующих государств постоянно увеличивается, география конфликтов расширяется.

В частности, С. Ф. Хантингтон пишет: «Куда ни повернешься, мир везде не в ладах с самим собой. Если в этом виновны не цивилизационные различия, то что же? Критики цивилизационной парадигмы не дали лучшего объяснения тому, что происходит

в мире. Напротив, цивилизационная парадигма вызвала повсеместно сочувственный отклик. В Азии, как сообщил один американский посол, она «распространяется, как степной пожар». В Европе председатель Европейского сообщества Жак Делор ясно поддержал довод, что «будущие конфликты станут вспыхивать скорее из—за культурных факторов, чем из-за идеологии или экономики», и предупредил: «Западу требуется достичь более глубокого понимания религиозных и философских оснований иных цивилизаций и того, как другие нации видят собственные интересы, выявить то, что есть у нас общего». Мусульмане, в свою очередь, увидели в «столкновении» признание и в какой-то мере легитимацию своеобразия их собственной цивилизации и ее независимости от Запада. То, что цивилизации являются значимыми целостностями, согласуется с тем, как люди осмысливают действительность и живут в ней».

Далее Самюэл Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» ясно и лаконично пишет: «Наиболее ясный ответ, против которого трудно возразить, дает нам линия великого исторического раздела, которая существует на протяжении столетий, линия, отделяющая за-

Цивилизации по С. Ф. Хантингтону

падные христианские народы от мусульманских и православных народов. Эта линия определилась еще во времена разделения Римской империи в четвертом веке и создания Священной Римской империи в десятом. Она находилась примерно там же, где и сейчас, на протяжении 500 лет. Начинаясь на севере, она идет вдоль сегодняшних границ России с Финляндией и Прибалтикой (Эстонией, Латвией и Литвой); по Западной Белоруссии, по Украине, отделяя униатский запад от православного востока; через Румынию, между Трансильванией, населенной венграми-католиками, и остальной частью страны, затем по бывшей Югославии, по границе, отделяющей Словению и Хорватию от остальных республик. На Балканах эта линия совпадает с исторической границей между Австро-Венгерской и Оттоманской империями. Это – культурная граница Европы... Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие» (Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003.).

Отвечая на многочисленные критические замечания о предлагаемой им теории, С. Ф. Хантингтон связал воедино темы демократии, модернизации, упадка. По его мнению, влияние Запада на общем фоне усиливающегося фундаментализма разного толка и многообразных культурно-интеграционных тенденций внутри цивилизаций постепенно снижается. Для анализа современного уклада мира интересна следующая точка зрения профессора: «Во-первых, существует мнение, что крах советского коммунизма означает конец истории или повсеместную победу либеральной демократии в мире. Этот довод страдает от ошибочности Единой Альтернативы. Он коренится в характерном для эпохи холодной войны допущении, что единственной альтернативой коммунизму является либеральная демократия, следовательно, из кончины первого рождается универсализм второй. Впрочем, очевидно, что существует множество форм авторитаризма, национализ-

Сэмюэл Филлипс Хантингтон (1927–2008)

ма, корпоративизма и рыночного коммунизма (как в Китае), которые живы и чувствуют себя хорошо в современном мире. Более важно, что имеются еще и все эти религиозные альтернативы, которые находятся вне мира, воспринимаемого в понятиях светских идеологий. В современном мире религия — это центральная, возможно, самая центральная сила, мотивирующая людские поступки и мобилизующая людей. Полная нелепость думать, что раз советский коммунизм провалился, Запад навсегда покорил мир.

Во-вторых, предполагается, что растущее взаимодействие — более развитые коммуникации и транспорт — создает общую культуру. Может, так бывает при определенных обстоятельствах. Но войны чаще происходят между государствами с высоким уровнем взаимодействия, которое, укрепляя самоидентификацию, часто вызывает реакцию сопротивления и противоборство.

В-третьих, имеется допущение, что модернизация и экономическое развитие способствуют укреплению однородности и порождают общую современную культуру, близко схожую с той, что существует на Западе в текущем столетии. Ясно, современные городские, образованные, богатые, промышленные общества наделены общими чертами, которые отличают их от отсталых, аграрных, бедных неразвитых обществ. В современном мире большинство модернизированных обществ составляли западные. Но модернизация не равнозначна вестернизации. Япония, Сингапур и Саудовская Аравия являются современными, процветающими, но явно не вестернизированными обществами. Презумпция Запада, что по мере модернизации другие народы станут такими же, «как мы», — это частица западного высокомерия, иллюстрирующего столкновение цивилизаций. Утверждать, что словенцы и сербы, арабы и евреи, индусы и мусульмане, русские и таджики, тамилы и сингалезцы, тибетцы и китайцы, японцы и американцы вместе принадлежат к единой универсальной цивилизации западного толка — это бросить вызов действительности.

Западное могущество в форме колониализма и американская гегемония в XX в. распространили западную культуру почти по всему современному миру. Европейский колониализм позади; американская гегемония отстывает. По мере того, как самоутверждаются

местные, уходящие корнями в историю нравы, языки, верования и учреждения, западная культура подвергается эрозии» (Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003.).

Главный геополитический конфликт XXI в., по С. Хантингтону, определяется следующим образом: «Запад против остального мира».

По мнению С. Хантингтона, атлантисты должны всемерно укреплять стратегические позиции своей собственной цивилизации и готовиться к возможному противостоянию, не допускать создания опасного для Запада континентального альянса.

С его точки зрения, Западу следует:

- обеспечить более тесное сотрудничество и единение в рамках собственной цивилизации, особенно между ее европейской и североамериканской частями;
- интегрировать в Западную цивилизацию общества Восточной Европы и Латинской Америки, чьи культуры близки к западной;
- обеспечить более тесные взаимоотношения с Японией и Россией;
- предотвратить перерастание локальных конфликтов между цивилизациями в глобальные войны;
- ограничить военную экспансию конфуцианских и исламских государств;
- приостановить свертывание западной военной мощи и обеспечить военное превосходство на Дальнем Востоке и в Юго-Западной Азии;
- использовать трудности и конфликты во взаимоотношениях исламских и конфуцианских стран;
- поддерживать группы, ориентирующиеся на западные ценности и интересы в других цивилизациях;
- усилить международные институты, отражающие западные интересы и ценности и узаконивающие их, и обеспечить вовлечение незападных государств в эти институты.

Отражая достаточно объективную и однозначную позицию С. Хантингтона, хотелось бы привести мысль Е. Чернышевой, высказанную ею в статье «Что такое Европа и почему она чужда нам».

В частности, автор статьи по проблеме антагонистического различия нас и европейцев отмечает: «На самом деле так считает практически каждый европеец, не признавая русский народ равным себе. Давайте зададимся вопросом: мы что-нибудь от этого теряем? Самое удивительное, что абсолютно ничего! Мы должны понять всю чуждость нам европейской цивилизации и возвратиться к себе домой, т. е. к своей культуре, а не пытаться стать бедными родственниками в этом «общем европейском доме» (так и хочется сказать – публичном, учитывая тот разврат, в который выродилась Европа). Хватит тешить себя «общечеловеческими» иллюзиями и впадать в грех самоуничтожения, закрепляя моральное превосходство за цивилизационным понятием «Европа». Русская цивилизация была, есть и будет отличной от западной. Но это наше Отечество, и мы обязаны хранить ему верность. Пора вылечиться от болезни европоцентризма!». Действительно, пора нам излечиться от этой ставшей для нас исторической болезни и подумать о защите наших национальных интересов, в том числе и в Европе и Америке.

В добавление к отмеченному выше авторам хотелось бы привести высказывание видного российского геополитика, военного ученого, генерал-полковника Леонида Григорьевича Ивашова, который, в частности, по данному вопросу сказал: «Речь идет не о жестком повороте к другим странам во внешней политике. Речь идет сегодня, и это назрело, это необходимо, о том, что необходимо проводить самостоятельную внешнюю политику. Мы проводили политику колонизированного государства, и то, что мы имеем сегодня, наш слабый геополитический статус, отсутствие союзников, отсутствие уважения к России – это внешнеполитическая позиция гулящей девки. Мы в свое время сдали Югославию, сдали Ирак, сдали Ливию и остались и без друзей, и без союзников. У нас не было своих собственных проектов геополитического характера, мы не проводили самостоятельных геополитических операций. Американцы или Европа навязывают нам, а мы только «участвуем в обсуждении». Это политика колонии, когда дают что-то сказать, а делать – нет. И вот сейчас обозначается некий вектор самостоятельных внешнеполитических операций. То, что делается с Сирией – скромно, робко, с оглядкой, но, тем не менее, мы какую-то само-

стоятельную позицию здесь заняли. Пытаемся даже что-то с помощью военной силы поддержать, мы пытаемся сохранить систему международной безопасности, что крайне необходимо. Но пока это, еще раз скажу, робкие попытки. У России сегодня должна быть принята собственная геополитическая доктрина, какую оценку Россия дает современному миру, это должна быть прямая и объективная оценка, каким мы хотели бы видеть мир и предлагать это народам мира, и как мы видим роль и место России в обновленном мире. Мы должны об этом заявить, мы должны сказать об этом своим союзникам. Видимо, сейчас идет предварительное осмысление этого процесса, и Россия ужесточает позиции только против тех стран, которые хотят ущемить ее интересы, хотят навязать свою волю. Для них Россия будет менять свое отношение».

В целом, по мнению многих ученых, разрабатывающих цивилизационную теорию, географические границы цивилизаций определяют пределы «естественного» влияния великих держав, сферы их жизненных интересов и территории военно-политического контроля. В таком методологическом подходе к геополитике просматривается тенденция увести данную науку из зоны географии, сделать ее универсальной дисциплиной.

Следует отметить, что и в отечественной науке геополитическая мысль с географической точки зрения в первой половине XX в. находилась на достаточно высоком уровне. Методологической основой российской геополитики, вытекающей из закономерностей ее объективного исторического развития, явилось евразийство. Среди отечественных ученых в этой области в первую очередь выделялся Г. В. Вернадский.

Генерал-полковник
Л. Г. Ивашов (1943)

Г. В. Вернадский
(1887–1973)

Г. В. Вернадский в «Начертаниях русской истории», которую он опубликовал в Праге в 1927 г., осуществил геополитический анализ истории России. Так, комментируя схемы, показывающие «ритмичность государственно-образующего процесса», он писал следующее: «... Нынче Евразия представляет собой такое геополитическое хозяйственное единство, какого ранее она не имела. Поэтому теперь налицо такие условия для всеевразийского государственного единства, каких раньше быть не могло».

Кроме трудов Г. В. Вернадского, за рубежом были известны и труды П. Н. Савицкого (1895–1968). Петр Николаевич Савицкий был первым русским геополитиком в полном смысле этого слова. Именно в его трудах слово «геополитика» впервые употребляется на русском языке. Среди работ П. Н. Савицкого, имеющих непосредственное отношение к геополитике, особенно интересны статьи «Географические и геополитические основы евразийства» и «Геополитические заметки по русской истории». В частности, в своих трудах П. Н. Савицкий отмечал: «Россия есть ни Азия, ни Европа – таков основной геополитический тезис евразийцев... Россия – Евразия есть центр старого света. Устраните этот центр – и все остальные его части, вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) превратится как бы в «рассыпанную храмину». Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от «классической» Азии, есть то звено, которое спаивает в единстве их всех. Это очевидно в современности, это станет еще явственней в будущем».

П. Н. Савицкий обоснованно считал, что геополитика является истинной национальной идеологией России, поскольку для русских понятия геополитики и евразийства совпадают, как для американцев и западноевропейцев совпадают понятия геополитики и атлантизма.

В 20-х годах прошлого столетия особый интерес вызвала также публикация статьи отечественного ученого А. Радо «Геополитика» в Большой Советской Энциклопедии. В последующие десятилетия само понятие геополитики было изъято из научного оборота в отечественной литературе, либо интерпретировалось как одно из проявлений буржуазной науки. А. Радо определял гео-

политику как учение о географической обусловленности политических явлений.

В частности, А. Радо определил семь универсальных геополитических закономерностей:

1. Тяготение континентальных стран к морю,
2. Стремление к завоеванию противоположного берега или овладение целым морским бассейном,
3. Перерастание через океан,
4. Овладение морскими путями и проливами,
5. Реки как носители исторического развития,
6. Большие реки как национальные или государственные границы,
7. Система рек как фактор сохранения государства.

Как и любая энциклопедическая статья, данная статья Радо является сводным теоретическим обобщением многих геополитических исследований того времени. Дальнейшее развитие геополитики осуществлялось, без упоминания данного названия, в политической и военной географии, в востоковедении и дипломатии.

В целом для географов, пытавшихся определить «объективную зависимость» между пространством и могуществом, именно война представлялась отличным средством для анализа явлений и проверки теории. Действительно, только война позволяет выявить стратегические и тактические преимущества территории. В то же время географический анализ должен был дать военачальникам и политикам «научное» представление о пространстве, о сочетании пространственных характеристик. Интуитивные решения полководцев могут быть проверены — подтверждены, углублены или опровергнуты — благодаря методическим исследованиям географов, позволяющим определить реальную ценность элементов ландшафта (реки, горные системы, плато...) и с наибольшей выгодой использовать их особенности.

Вторым базовым источником геополитики, как считают многие ученые, были и в настоящее время являются основные военно-стратегические теории. Авторы со всей ответственностью заявляют, что именно военные стратегические аспекты в настоящее время и на достаточно далекую перспективу будут определять глав-

ные закономерности формирования геополитики. Сегодня Миром правит сильный.

Коротко остановимся на истории формирования военной стратегии.

1. 2. 3. История формирования военной стратегии.

Влияние военной стратегии на геополитику

Автором самого первого в истории теоретического труда по военной стратегии считается китайский историк и мыслитель IV (VI) века до нашей эры Сунь-цзы, написавший знаменитый трактат «Искусство войны». Трактат «Искусство войны» — это сплав философии, искусства и науки ведения войны. Великий мыслитель Сунь-Цзы в краткой и сжатой форме изложил основные принципы ведения войны, а также формы и способы подготовки к ней. В частности, он говорил: «Война — это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели. Это нужно понять» (Сунь-Цзы, У-Цзы. Трактаты о военном искусстве. — М.: «АСТ», 2002).

Сунь-Цзы принадлежит ставшее крылатым выражение: «Война любит победу, но не любит продолжительности».

В своем историческом труде Сунь-Цзы писал: «В целом, стратегия ведения войны такова. После того, как полководец получил приказы от правителя, объединил армию и собрал войска:

- Не разбивай лагерь на обманчивой местности,
- Объединяйся с союзниками на удобной местности,
- Составь стратегические планы для окруженной местности,
- Сражайся на смертельной местности,
- Есть дороги, по которым не ходят,
- Есть армии, на которые не нападают,
- Есть укрепленные города, которые не штурмуют,
- Есть местности, из-за которых не соперничают,
- Есть приказы правителя, которые не выполняют.

Поэтому полководец, обладающий пониманием преимуществ девяти изменений, знает, как использовать армию. Если полководец не обладает пониманием преимуществ девяти изменений, то